

Вторая выставка этюдовъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Художествъ.

Надо отдать справедливость Обществу Любителей Художествъ. Маленькими, очень маленькими, почти микроскопическими пажками, а все-таки двигается оно впередъ. Послѣ того непробуднаго сна, которымъ оно спало послѣдніи 10 лѣтъ и за то спасибо. Но приѣзду своей выставки старинныхъ мастеровъ Комитетъ снова поручилъ составленіе выставки своимъ художникамъ В. Д. Полѣнову, В. Е. Маковского и М. Е. Остроухову и нельзя не пожелать, чтобы впродъ обществу держалось того-же обычая. Выставка и на сей разъ обѣдновата. Этюдовъ крупныхъ художниковъ на ней очень и очень мало, но все же къ прошлагоднимъ именамъ прибавилось имя г. Рѣпина, и очень интересныхъ молодыхъ художниковъ гг. Ан. Васнецова, Левитана, К. Коровина Сѣрова. Вудемъ надѣяться, что къ будущему году устроители выставки еще болѣе объ ней позаботятся и сумѣютъ заинтересовать въ ней своихъ товарищей передвижниковъ и др. крупныхъ художниковъ.

Нашъ обзоръ выставки появляется послѣ ея закрытія и потому не можетъ имѣть значенія указателя для публики, а долженъ лишь подвести, такъ сказать, итоги выставки.

Выставка несомнѣнно носитъ характеръ сильнаго увлеченія тѣмъ направленіемъ нашей живописи, яркимъ представителемъ котораго является В. Д. Полѣновъ.

Духъ его, его манера и даже его тона чувствуются въ болѣе части и хорошихъ и совсѣмъ ученическихъ произведеній. Гг. Левитанъ, К. Коровинъ, Остроуховъ, Сѣровъ, Виноградовъ, Щербиновскій, Малютинъ, Ваксеевъ, Домбровский, Тришновскій и т. д., всѣ съ той или другой стороны напоминаютъ Полѣнова. Мѣстами это доходитъ даже до полной копировки, такъ что этюды кажутся списанными не съ природы,

а съ Полѣновскихъ этюдовъ. Направленіе это настолько интересно и захватываетъ такіе талантливыя личности, что на нежѣ стоить остановиться долѣе нашего вниманія.

За послѣдніи 10—15 лѣтъ наша пейзажная живопись представляется строго-натуралистической. Такіе представители этого направленія, какъ гг. Шинкинъ, Е. Волковъ, Гиселевъ, Орловскій и т. п., сумѣли достигнуть въ своихъ произведеніяхъ такого совершенства, что ихъ можно смѣло поставить рядомъ съ произведеніями лучшихъ пейзажистовъ Европы, но молодой художникъ, смотря на нихъ, все-таки остается неудовлетвореннымъ. —Смотри на сосновый лѣсъ г. Шишкина, онъ чувствуетъ, что художникомъ сдѣлано все въ направленіи строгаго натурализма. Дальше идти некуда. И все-таки это не натура. Это *анатомія* природы, натура, переданная съ фотографической точностью не только въ рисунокъ, но и въ тонахъ, но все-таки такая-же мертвая, какъ сама фотографія. Анатомія изучена, но недостаетъ *физиологіи*. Сравнивая Шинкинскіе лѣса съ натурой, молодой художникъ чувствуетъ, что въ природѣ нѣтъ такого опредѣленнаго рисунка; тамъ все мягко, а тона, переходя незамѣтно изъ однихъ въ другіе, сливаются въ одну ласкающую глазъ картину. Съ другой стороны, сравнивая картины строгаго натуралиста съ природой, молодой художникъ чувствуетъ, что въ нихъ нѣтъ того свѣта, и той яркости, которая присуща натурѣ. —Въ картинахъ многое вяло и сѣро, а въ природѣ сѣро нѣтъ совсѣмъ и самый неопредѣленный сѣрый оттѣнокъ въ сущности создается изъ игры нѣжныхъ, едва замѣтныхъ переходовъ голубоватыхъ, лиловатыхъ, зеленоватыхъ и т. п. тоновъ. Отсюда, садясь за мольбертъ, молодой художникъ хочетъ отбѣжиться отъ пріемаго воспроизведенія на полотнѣ природы, такъ какъ онъ видитъ ее передъ собою и заботится

лишь о томъ, чтобы его произведеніе оставило въ зрителѣ впечатлѣніе природы, хотя во многомъ оно очень далеко отъ точной копировки. Подмѣчая въ природѣ тонкіе переходы лиловатыхъ и розоватыхъ тоновъ, онъ намышленно усиливаетъ ихъ, явля въ контрастѣ ихъ усиленія свѣтлага впечатлѣнія и, передавая форму изображаемаго предмета, намышленно смягчаетъ рисунокъ, сливая его съ тонами окружающаго. Подмѣтивъ, и наложивъ на холстъ удачный тонъ, онъ останавливаетъ его, не заботясь о подробностяхъ изъ боязни, чтобы, занявшись ими, не сбить самого тона и не испортить его соотношенія съ другими. Волею выписки подробностей онъ старается передать ихъ характеромъ мазки, и въ результатѣ—произведеніи, которыя остаются совершенно непонятными для публики.

Пока молодой художникъ ищетъ, копируя свою натуру, онъ стоитъ въ предѣлахъ естественной проверки своей работы, но разъ онъ отрывается отъ точнаго воспроизведенія натуры, разъ онъ занятъ больше не тѣмъ, что онъ ищетъ, а тѣмъ какъ онъ ищетъ, онъ становится на очень опасную почву. Когда это направленіе заражаетъ такое сильное мастера, какъ В. Д. Полѣновъ, вещи его получаютъ особенную прелесть. Стоитъ посмотреть только на его желтенькую осень съ этики лѣстницами ластающихъ тонами свѣтлаго дали! Сколько свѣта, какіе чистые и мягкіе тона! Этюды г. Левитана также превосходны. Въ нихъ нѣтъ той нестрогости, тѣхъ яркихъ красокъ, которыми мы привыкли видѣть на Венеціанскихъ видахъ, и потому многимъ онѣ не нравятся, но за то сколько красоты въ его сѣрыхъ полутонахъ! Осенній день съ двумя гондолами на первомъ планѣ надо считать самымъ удачнымъ въ этомъ отношеніи. Въ особенннсти хороша въ немъ вода, которая точно колыхнется на вашихъ глазахъ. Впрочемъ и у него не все сѣро. Видя на берегу Средиземнаго моря съ залитой розовымъ свѣтомъ горю въ дали не менѣе прекраснаго. Но посмотрите на этюды г. Сѣрова. За нихъ нельзя не признать громадной талантливости. Мшера его груба, мазки таковы, что на близкомъ разстояніи этюды представляютъ какой-то хаосъ красокъ, но передъ ними всё по долгу останавливается, потому что на нѣкоторомъ разстояніи въ нихъ получается такая сила, которой могутъ позавидовать лучшіе изъ нашихъ художниковъ. Лучшій изъ его этюдовъ «Осень». Въ немъ столько свѣта въ зеленоватыхъ прорѣзахъ облаковъ, что его не убиваютъ даже стоящіе рядомъ этюды, г. Рѣпина. И все-таки, смотри на эти этюды, хочется, чтобы художникъ снова пошелъ съ нами на натуру и также выслѣдилъ всё тона въ подробностяхъ, также сильно написалъ траву и нартн деревьевъ тамъ, гдѣ только одни неопредѣленные мазки краски.

Всѣхъ этого этюды носятъ на себѣ характеръ талантливыхъ декоративныхъ эскизовъ, а не этюдовъ.

Эта эскизность еще больше выступаетъ въ вещахъ г. Коровина. Всѣ этюды его точно сдѣланы на свѣжъ и на однихъ какъ будто только проложениъ тонъ для того, чтобы потомъ прописать до немъ подробности, а другіе представляють такой хаосъ небрежныхъ мазковъ, что, всѣхъ этюды похожи будто его уронили лицомъ на полъ и, оторвавши отъ пола, прильнули на стѣну.

Все это вызываетъ какое-то досадливое чувство, потому что въ то же время вы видите передъ собой большую талантливость и въ самыхъ безпорядочной мазнѣ и едва намѣченнымъ тонъ чувствуете, что должно быть на ихъ мѣстѣ. Такая-же свѣшка и во всѣхъ этюдахъ г. Остроухова. Все это точно бѣглыя замѣтки изъ путешествія—не болѣе; нить далеко до его прекрасныхъ березонныхъ стволовъ, которые мы видѣли на прошлой этюдной выставкѣ или до того свѣта, который былъ когда-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ на періодической выставкѣ.

Объ остальныхъ представителяхъ новаго направленія можно сказать еще менѣе. Въ общемъ какая-то преднамѣренная небрежность, какое-то самодовольство, точно всё они мнятъ себя очень большими художниками, которые дальше некуда идти.

Нѣтъ ни сомнѣній, ни мучительнаго недостатка собой; нѣтъ и повинности о сознаніи своего безсилія передъ вѣчной красотой окружающей природы... А безъ нихъ какъ-то пропадетъ въра и въ то, что это первое шагъ по новому здоровому пути.

А нѣтъ съ тѣмъ сколько свѣжести, сколько молодой силѣ, сколько энергіи, сколько всего, что могло бы служить залогомъ широкаго будущаго!...

Въ области противоположнаго направленія прежде всего надо остановиться на г. Киселевѣ. съ его выписанными и даже можетъ быть черезчуръ законченными этюдами. Смотри на нихъ, такъ и хочется перенести на этюды г.г. Сѣрова и Коровина ту же добросовѣстность рисунка и письма, а съ ихъ этюдовъ перенести на этюды г. Киселева ихъ свѣже и мощные тона. Впрочемъ одинъ изъ этюдовъ г. Киселева также превосходенъ по тону, это этюдъ «Рѣчка» съ дощатой лодкой на водѣ. Затѣмъ можно отмѣтить нѣкоторые этюды барона Клодта и г. Богатова, который сталъ отрѣшаться отъ черноты, иногда такъ вредившей его этюдямъ, и этюдикъ г. Завьялова «У пруда». Молодой художникъ г. Виноградовъ, сильно копирующий г. Архипова, также выставилъ нѣсколько пейзажей. Лучшій изъ нихъ «Деревенская улица». Въ ней много свѣта, какъ много его и въ его бабахъ и мужичкахъ, но всё они написаны, по-

видимому, для какой-либо картины и потому мы подождем пока дѣлать заключеніе объ этомъ молодомъ художникѣ. Во всякомъ случаѣ эти этюды безгранично выше тѣхъ безсодержательныхъ эскизовъ, которые онъ выставилъ до сихъ поръ и обличаютъ въ немъ большое мастерство.

Въ области жанрового этюда замѣчается то же направленіе, о которомъ мы говорили въ области пейзажа. Въ большой интересной головѣ г. Сѣрова, и въ этюдахъ г. Малютина то же увлеченіе манерой и небрежное незаконченное письмо. Въ результатѣ то-же досадливое впечатлѣніе, потому что, смотря на эти вещи, чувствуешь какъ много могъ бы сдѣлать художникъ.

Смотря на нихъ, невольно сравниваешь ихъ съ рядомъ стоящими старыми этюдами г. Рѣпи-

на и въ особенности съ этюдами старика. Какая тамъ выписка и выслѣженность рисунка и какое тутъ небрежное и самодовольное письмо. Мы знаемъ, что вышло изъ г. Рѣпина, по что-то выйдеть изъ этихъ молодыхъ?...

На 2-ю этюдную выставку прислано нѣсколько вещей и отъ Петербургскихъ художниковъ (гг. Вунина и Герберга), но нельзя сказать, что выставка отъ этого много выиграла, хотя все-таки пожелаемъ отъ души Обществу Любителей Художествъ, чтобъ все большее и большее число этюдовъ стекалось на его этюдную выставку, потому что интересъ ихъ громаденъ и значеніе несомнѣнно велико.

Глаголь.

